

ВЗАИМНОЕ ПРИЗНАНИЕ И ФОРМАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО*

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июня 2014 г.

Аннотация: в статье обосновано, что легитимность правовых норм в любой рациональной правовой системе имеет необходимым и достаточным условием взаимное признание субъектов. Содержанием этого дискурса является прежде всего формальное равенство участников коммуникации.

Ключевые слова: власть, легитимность, право, взаимное признание, формальное равенство, А. Хоннет, Ю. Хабермас, коммуникативная рациональность.

Abstract: the article proves, that the mutual recognition of participants is a necessary and sufficient condition for legitimacy of the rule of law in any rational legal system. The content of this discourse first of all is formal equality of communication participants.

Key words: power, legitimacy, law, mutual acceptance, formal equality, A. Honneth, J. Habermas, communicative rationality.

Размышления, представленные в настоящей работе, инспирированы двумя обстоятельствами, точнее тенденциями.

Во-первых, в современных отечественных философских исследованиях наблюдается так называемая морализация дискурса, когда «проблемы теоретической философии отодвигаются на второй план, уступая место философии права, политики и морали» [1, с. 76]. Впрочем, некоторые исследователи утверждают, что имеет место не отодвигание (или случайно-неслучайное замалчивание) теоретических проблем, а стирание условных, хотя и традиционных границ между различными областями философского знания и некий «антропологический разворот» в философии, имеющий своим продолжением формирование новых стратегий в познании и социальной практике [2, с. 225]. Несмотря на то что последняя точка зрения представляется более обоснованной, отметим очевидное: рефлексия кризисного общества – это всегда проблематизация тех или иных норм, канонов, правил и порядков. С этой позиции довольно понятны отход метафизики на второй план в целом и его временный характер.

Во-вторых, в современных юридических исследованиях все более заметными становятся попытки обновления понятийно-категориального аппарата и общей методологии исследований в сфере политики и права. В основном это связано с неудовлетворенностью преувеличенным (и не-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00491.

творческим) критицизмом, в который погрузилось научное сообщество в связи с отменой (отмиранием) обязательной марксистско-ленинской парадигмы. Некая «парадигмальная всеядность» (реакционная по сути), бывшая столь естественной в 90-х гг. XX в., стала неуместна в ситуации естественного созидательного импульса науки. Как пишет Л. Н. Сумарокова, «задерживаться на стадии постмодернистской “критики критической критики”, которая либо поспешно заменяет принципы классической методологии противоположными, либо ограничивается их простым отрицанием, отбрасыванием, – равносильно саморазрушению юриспруденции и в ее теоретической, и в практической подсистемах» [3, с. 118]. Всецело солидаризуясь с данной позицией, отметим, что выработка новых понятий и их дальнейшая группировка также не могут быть самоцелью теории. Хотя следует признать, что эту задачу советская и постсоветская юриспруденция выполняла и продолжает выполнять безупречно: новые понятия действительно появляются, другое дело, что реалии, стоящие за ними, остаются прежними. С нашей точки зрения, цель правовой теории, как и всякой критической, заключается в обеспечении связи правовых и политических практик в единое целое (в социальной действительности эти практики связаны по факту [4]).

Нельзя не согласиться с позицией В. Фурса, утверждающего, что «критическая теория – это не просто знание, которое претендует на объяснение некоторой предметной области. Это скорее такой способ теоретизации, т.е. понимания вещей, из которого следуют определенные ориентиры (если не руководство, то хотя бы ориентиры) для действия» [5]. Данный способ теоретизации не лишен здоровой доли скепсиса, здесь непременно имеет место отвержение метафизических концепций права и государства. Как писал П. Бурдьё, «пытаться осмыслить, что есть государство, значит пытаться со своей стороны думать за государство, применять к нему мыслительные категории, произведенные и гарантированные государством, а следовательно, не признавать самую фундаментальную истину государства» [6, с. 127].

Что же касается базовых понятий, то самые новые и интересные из них как раз и выявляются в плоскости пересечения права и политики. К таковым, безусловно, относится термин легитимности (и производные от него, такие как легитимация, делегитимация и пр.). В нашей работе мы не намерены вдаваться в подробный экскурс касаясь этимологии данного понятия, позволим себе выделить лишь несколько наиболее важных моментов, без которых дальнейшее движение теоретизирующего разума будет весьма затруднительным.

Когда речь идет о легитимности власти, сомнения в истолковании анализируемого термина ни у кого не возникают: власть является легитимной, если народ добровольно признает за ней право принимать обязательные решения. В более широком смысле тот политический строй (порядок управления) можно считать легитимным, в котором институты власти пользуются поддержкой населения, отдельных больших групп, общественного мнения (в том числе и зарубежного) и т.п. Известный

американский социолог Мартин Сеймур Липсет предлагает различать эффективность политической системы и ее легитимность по следующим основаниям:

1) эффективность показывает, насколько удачно в системе решаются политические проблемы, а легитимность – насколько актуальны и крепки в обществе убеждения, что существующие политические институты являются наилучшими;

2) эффективность имеет инструментальное измерение, а легитимность – аффективное и оценочное. Последнее, кроме очевидной неопределенности любого обособленного критерия легитимности, предполагает следующее. Некая группа воспринимает данную политическую систему как легитимную только тогда, когда ценности, провозглашаемые этой системой, входят в множество ценностей, разделяемых данной группой. Поэтому легитимным может быть абсолютно любой режим, в том числе и деспотический [7].

Согласно теории Дэвида Битэма, нормативная структура политической легитимности складывается из трех моментов:

1) власть соответствует принятым или установленным в обществе правилам;

2) эти правила оправданы путем ссылки на веру, которую разделяют управляемые и управляющие;

3) имеются доказательства согласия на существующие отношения власти [8].

Из названных признаков можно сделать вывод, что легитимность в политическом смысле характеризуется единством когнитивного и аксиологического отношений властвующих и подвластных субъектов. Иными словами, механизм признания власти не является ни полностью инструментальным, ни полностью аффективным. Об этом же недвусмысленно говорит Макс Вебер.

Суммируя сказанное выше, легитимность можно рассматривать как признание, объяснение и оправдание социального порядка, действия соответствующего субъекта или события. В таком случае легитимность как юридическая категория (есть основания отличать ее от политической) указывает на положительное отношение жителей страны, общественно-го мнения к действующим в государстве законам, правовым институтам, признание их правомерности, уместности. В литературе подчеркивается, что в юриспруденции и политологии легитимность противопоставляется законности как обладающая не юридической, а моральной функцией одобрения и оправдания, прежде всего власти, по критериям авторитета [9, с. 120].

Заметен некий психологизм, имманентно присущий понятию легитимности: признание, оправдание, объяснение – все это в том числе и психические акты. Отсюда, как представляется, можно вывести два следствия: а) легитимность может характеризовать межличностное взаимодействие; б) влияя на состояния сознания, можно влиять на динамику легитимности.

Итак, легитимность в самом общем смысле – это социально-психологическое явление (тем она и отличается от законности). Граждане одобряют власть и ее законы исходя из своих моральных критериев, представлений о добре, справедливости, порядочности, совести. В различные периоды в разных регионах и странах мира применительно к разным общественным отношениям и социальным слоям эти представления граждан меняются и характеризуются определенным уровнем правосознания.

В структуре юридической легитимности мы можем выделить несколько уровней, в том числе легитимность правовых норм. Под ней будем понимать свойство правовых норм быть признанными субъектами права в качестве действующих регуляторов поведения. Указанное свойство порождается специфическими отношениями между управляющей и управляемой подсистемами социума. Как видно, когнитивный и оценочный моменты здесь также довольно тесно переплетены, из чего следует потенциальная возможность для исследователя структурировать накопленный наукой эмпирический материал в соответствии с выделенными типами отношения субъекта к действующему правопорядку.

С нашей точки зрения, самым общим вариантом такой типологии было бы разделение всех правовых систем на рациональные (где политическая и юридическая легитимности друг другу либо не противостоят, либо противостоят осознанно для самих акторов политического процесса) и иррациональные (где противостояние остается за пределами осознанного отношения и управления).

По мере развития легитимность как качество (в том числе качество правового текста) становится все более рациональной. Это не означает, что возрастает рациональность легитимации как процесса или рациональность того, что легитимируется (обретает признание). Это скорее предполагает концептуальную обособленность и теоретическую отдельность данного предмета. Не ошибемся, если скажем, что данное изменение становится заметно только тогда, когда юридическая (нормативная) легитимность в различных формах противопоставляет себя легитимности политической (демократической в широком смысле этого слова). Таким образом, в рациональной правовой системе кризис легитимности всегда существует в виде кризиса идентичности.

Проблема состоит в том, что традиционная правовая теория от темы легитимности и, соответственно, легитимации / делегитимации (процессов приобретения / утраты юридическими нормами признания) намеренно дистанцируется, избегая вводить указанные понятия в уже сложившуюся концептуальную систему. Возможно, такое отношение связано с оценкой признания норм как исключительно психологического явления, но могут быть и иные причины, в том числе скрытые. Проблематизируя само отсутствие проблематизации, мы можем указать по меньшей мере одну причину замалчивания проблемы легитимности, имманентную научному дискурсу, но неосознанную. С точки зрения большинства теоретиков, процессы зарождения правовых установлений тождественны

законотворчеству (мы не считаем серьезным контраргументом разность терминов «правотворчество» и «законотворчество»). Эта позиция напрямую не артикулирована, но легко реконструируется, ведь наука имеет дело либо с исходящим от суверена абстрактным правилом поведения, которое уже структурно оформлено, либо с правотворческой ситуацией, которую до определенного уровня можно и должно регулировать (отсюда вытекает, например, актуальность юридической техники).

С нашей же точки зрения, легитимность, понимаемая в юридическом смысле, представляет собой качественную характеристику политического дискурса. Надо отметить, что дискурсы, которые включены в процесс управления государством или могут по той или иной причине на него влиять, следует отнести к «политическим» в самом прямом, первичном смысле. Как пишет А. О. Зиновьев, «при этом понятно, что теоретически любой дискурс может при некоторых обстоятельствах оказать влияние на процесс функционирования государства (вступить во взаимодействие с институтами), поэтому невозможно точно отделить политические дискурсы от неполитических, то есть любой дискурс потенциально является “политическим”, но не любой является им “актуально”» [10].

Влияние правосознания на государственное управление неоднократно тематизировалось в научной литературе и в настоящей работе раскрываться не будет. Наша задача состоит в определении необходимых и достаточных условий легитимности правопорядка.

Первым таким условием следует считать моральное содержание суждений субъектов о действующем праве. Иными словами, правовая система может быть достаточно устойчивой и достаточно рациональной, если межсубъектные взаимодействия, помимо технического компонента (отражающегося в правоотношениях, например, в виде оптимизации транзакционных издержек и пр.), включает ценностную (или идеологическую) составляющую. Ценность права в свою очередь может быть понята двояко: как результат взаимного признания субъектов и как форма такого признания (одна из возможных форм).

Признание того или иного порядка необходимо в тех системах, где существуют избыточно произведенные значения. На примере общества такого рода системы рассматривать наиболее удобно. Дело заключается в том, что в системах, где наличествует прямая и обратная связь управляющего и управляемого, отсутствуют актуальные конфликты и рассогласования. Если информация доведена до конечного потребителя, последний не может не отреагировать надлежащим образом. Конечно, лишь технические системы близки к так понимаемому идеалу. В обществе, напротив, постоянно наличествуют некоторые осложнения.

Во-первых, управляемые подсистемы являются живыми – способными к поддержанию собственного существования, сознательными, как следствие – рефлектирующими. Рефлексия здесь понимается традиционно – как способность сделать себя (содержание своего сознания) предметом анализа. Ближайшим следствием этой способности выступает потенциальное дистанцирование от управленческой ситуации. Со стороны

системы это означает сбой привычной последовательности, отклонение, некий сигнал о неблагополучии (не все системы умеют различать позитивные и негативные отклонения).

Во-вторых, общество пронизано множеством нетехнических связей. По мысли Хабермаса, человек как родовое существо «учится не только в сфере технически применимого знания, являющегося решающим для развития производительных сил, но и в сфере морально-практического сознания, решающего для структур интеракции. Правила коммуникативного действия развиваются, разумеется, в реакции на изменения в области инструментального и стратегического действия, но следуют при этом своей собственной логике» [11, S. 163]. Собственная логика нетехнических действий не позволяет нормативным системам беспредельно разрастаться. Управляющие значения перестают быть очевидными, не воспроизводятся автоматически. Тогда любое суждение требует более или менее осмысленного доказательства его права на существование. В переходе от самоочевидного к проблематичному обнаруживается потребность в легитимности, если эта потребность своевременно не удовлетворяется, налицо дефицит легитимности (или кризис легитимации, что одно и то же).

Итак, технически не контролируемое перепроизводство значений или управляющих сигналов предполагает достижение консенсуса по поводу того, какие из них будут считаться приемлемыми. Сторонники критической теории общества полагают, что приемлемость правила поведения обусловлена приемлемостью процедуры обсуждения данного правила. Если речь идет о правовой норме (ключевым свойством которой выступает всеобщность), то в процесс обсуждения должно быть вовлечено как можно больше субъектов из числа заинтересованных в исполнении данной нормы. Вовлечение в свою очередь невозможно без взаимного признания государства и гражданского общества. Следовательно, мы вправе заявить, что взаимное признание является необходимым условием юридической легитимности.

Для социально-философских исследований интерес представляют работы немецкого философа А. Хоннета, посвященные социальному признанию. Его работа «Борьба за признание. Моральная грамматика социальных конфликтов» вышла в свет в 1992 г. и, по общему мнению, оживила дебаты по данной теме. Сегодня модель признания, разработанная Хоннетом, служит теоретическим базисом для многочисленных исследований, в первую очередь эмпирических.

Признание, по Хоннету, представляет собой многослойное измерение, которое присуще любым межсубъектным взаимоотношениям и одновременно оформляет их нормативно. Поэтому на первый план в его работе выходит понятие взаимного признания. С точки зрения Хоннета, взаимное признание имеет первостепенное значение для двух процессов. Во-первых, для конструирования полноценной идентичности субъекта. Взаимное признание субъекта является одной из предпосылок преобразования здорового позитивного отношения к самому себе в самосознание

и самоуважение, что, в конечном счете, и обуславливает формирование полноценной идентичности. Во-вторых, взаимное признание играет немаловажную роль в процессе создания и поддержания интеграционного потенциала общества, так как, по мнению автора, самосознание общества во многом определяется степенью институционализации взаимного признания. Таким образом, основная идея Хоннета заключается в следующем: общество конструируется как общность именно благодаря взаимному признанию его членов [12].

Пристального внимания заслуживает типология признания, представленная Акселем – Хоннетом в названной работе. Опираясь на три формы социального взаимодействия – эмоциональные отношения, правовые и ценностные, Хоннет выделяет три сферы или измерения взаимного признания: эмоциональное признание, правовое признание и социальное признание.

В основе первого измерения лежит принцип взаимной любви, симпатии и заботы. Любовь, и, прежде всего, между матерью и ребенком, представляет собой первую ступень взаимного признания. Признание на этом уровне выражается в непрерывности взаимного эмоционального внимания и базируется, по словам Хоннета, на балансе между привязанностью и самостоятельностью, между симбиозом субъектов и самоутверждением личности. Первостепенное значение в таких отношениях приобретает признание автономии другого, что, однако, возможно лишь при сохранении вышеназванного баланса. Именно в этой сфере при удачном построении отношений субъект формирует доверие к самому себе. Хоннет специально акцентирует внимание на этом понятии, так как считает доверие к самому себе необходимым условием, для того чтобы на следующем уровне субъект мог сконструировать свою автономную идентичность. Нарушение баланса выражается в лишении субъекта какой-либо автономии, например, возможности свободно распоряжаться своим телом. Это, по Хоннету, является причиной унижения, разрушающего элементарное доверие субъекта к самому себе, что происходит, к примеру, при физическом насилии.

Вторая сфера признания принципиально отличается от первой тем, что принцип правового равенства не ограничен эксплицитно первичными отношениями, такими как дружба или любовь, характерными для эмоционального признания. Взаимное признание на этом уровне выражается в следующих отношениях: субъект признает нормы общества путем интернализации генерализованного Другого, который постоянно напоминает субъекту о его обязанностях по отношению к другим. В то же время со стороны других членов общества данный субъект может признаваться носителем индивидуальных неотъемлемых прав. Подчиняясь одному закону, субъекты, по словам Хоннета, признают друг друга лицами, способными в своей автономии рационально относиться к моральным нормам. Таким образом, при взаимном правовом признании субъект осознает себя не только носителем неотъемлемых прав, но и моральным субъектом. Это и позволяет ему сформировать самоуважение,

необходимое для конструирования в следующем измерении своей уникальной идентичности.

Еще одной особенностью данного измерения Хоннет считает тот факт, что взаимное правовое признание является истинно когнитивным действием и совершается двумя операциями. На первом этапе в распоряжении субъекта находится только моральное знание о том, что у него есть правовое обязательство по отношению к другим автономным личностям. На втором этапе происходит эмпирическая интерпретация ситуации, что позволяет субъекту судить о том, имеет ли конкретное лицо те качества, которые это обязательство позволяет использовать. То есть будет ли признан конкретный субъект в правовом отношении или нет, зависит от того, какие качества ему предписываются и как они оцениваются.

Говоря о борьбе за правовое признание, Хоннет выделяет два основных типа: первый – борьба за институционализацию прав, которые до сих пор не были институционализированы, второй – распространение признания прав на те социальные группы, которым отказывалось в признании их специфических прав.

Третья сфера признания, а именно сфера взаимного социального признания, базируется на принципе достижений и заслуг перед обществом. Социальная значимость субъекта зависит от того, какой вклад этот субъект может внести для реализации общественных целей. При этом субъекты одного общества, подчеркивает Хоннет, могут уважать и признавать друг друга только тогда, когда они разделяют ценности и цели данного общества. Эти ценности наглядно показывают им значение конкретных личностных качеств индивидов для жизни других представителей этого общества. Речь идет о субординации данных качеств и способностей внутри ценностной сферы этого общества. Таким образом, в сфере социального признания первостепенное значение приобретают индивидуальные качества, которые делают каждого субъекта неповторимым и благодаря которым достижения субъекта имеют большую практическую ценность для данного общества. И в этом одно из главных отличий третьего измерения от второго, так как в сфере правового признания во внимание принимаются индивидуальные качества, которые одинаковы у всех членов одного общества. Субъект, испытывающий социальное признание со стороны других членов общества, позитивно относится к своим конкретным качествам и способностям, что ведет к формированию его самопризнания. Именно самопризнание позволяет субъекту интуитивно полагаться на то, что его способности и личностные качества будут признаны остальными членами общества как ценные, значимые.

Таким образом, в идеале последовательное приобретение взаимного признания во всех трех сферах является предпосылкой для успешного конструирования я-идентичности. В то же время формы не-признания, соответствующие трем вышеназванным сферам, могут выступать в качестве барьеров на пути формирования позитивной идентичности. Отсюда, возникает проблема дефицита признания. При этом важно, что Хоннет не считает, что дефицит признания и различные формы непризнания

неизбежно ведут к формированию негативной идентичности. Напротив, он рассматривает борьбу за признание как двигатель общественного развития, как одну из реакций субъекта на не-признание.

Необходимо заметить следующее: у субъекта действительно наличествует моральное знание о правовых обязательствах по отношению к другим автономным личностям, но правовая система лишь тогда может быть легитимной, когда это знание развито и воплощено институционально. Согласно Хабермасу, жизненный мир коэкстенсивен обществу только в ограниченных исторических сообществах, встречающихся только среди домодерновых обществ. В действительности же действия координируются не только посредством процессов понимания, но и через обезьязыковленные средства управления, через экспертные культуры, через функциональные связи, которые не являются результатом намерений действующих и которые сплошь и рядом большей частью даже не осознаются в пределах горизонта повседневной практики. В соответствии с этим переходные и современные общества демонстрируют два механизма социальной интеграции: коммуникативно структурированную и формально организованную, или сферу социальной и сферу системной интеграции [13, с. 98]. С нашей точки зрения, системной интеграции социализирующегося индивида корреспондирует принцип формального равенства, к характеристике которого мы и перейдем.

В отечественной науке приоритет в полноценной мировоззренческой проблематизации принципа формального равенства принадлежит В. С. Нерсесянцу. Разработанная им либертарная концепция права недвусмысленно полагает формальное равенство конституирующим признаком права. При этом формальное правовое равенство трактуется Нерсесянцем как триединство таких внутренне взаимосвязанных и предполагающих друг друга компонентов, как равная мера, свобода и справедливость. Ученый делает основной акцент на следующем: право – это равная мера свободы («своим всеобщим масштабам и равной мерой право измеряет... именно свободу... в человеческих взаимоотношениях» [14, с. 38]) и справедливости (право взвешивает на единых весах и оценивает фактическое многообразие партикулярных отношений «формально равным, а потому и одинаково справедливым для всех правовым мериллом» [там же, с. 30–47]).

Формальный характер правового равенства – это не фактическое положение дел, как видно уже из названия. Никакие явления социальной жизни не могут быть тождественны чему-то, кроме себя (да и этот вариант в действительности есть идеализация), поэтому ни право, ни иная нормативная система не могут уравнивать между собой двух субъектов, ибо их несхожесть конституирована самостоятельно по отношению к нормативной регуляции (и во времени складывается до нее). Следовательно, речь может идти об абстракции, но эта абстракция имеет не техническое, а идеологическое содержание. По словам Е. М. Мухмадеевой, «поддерживая тезис о праве как мере свободы, необходимо вместе с тем подчеркнуть, что норма (равная мера, всеобщий масштаб) – это все

же только одна сторона права. С другой стороны, право – это сама свобода, свобода нормированная, определенная на основе меръ» [15, с. 30]. Но правовая система, интегрируя в себе рефлексивные механизмы, все же не является субъектом, поэтому соблюдение принципа формального равенства возлагается на граждан, а его гарантия – на институты гражданского общества и государства.

Как верно замечает В. В. Лапаева, «только когда мы максимально абстрагируемся от внешних характеристик человека и рассматриваем человека в его наиболее абстрактном, сущностном выражении, т.е. как существо, наделенное (в силу своей разумности) свободной волей, сфера равенства между людьми приобретает всеобщий характер, а отношения между ними становятся общезначимыми. Форму отношений между людьми как абстрактными лицами мы называем правом, сами эти отношения – правовыми отношениями, а людей, выступающих в своих наиболее абстрактных проявлениях, лишенных каких-либо фактических социобиологических особенностей, называем формально равными друг другу субъектами права, т.е. лицами, обладающими равной правоспособностью» [16, с. 75].

В этом случае допустимо утверждать, что правовая сфера конституирована процессами взаимного признания субъектов, чья «поверхность взаимодействия» организована по принципу формального равенства возможностей, за которыми стоит антропологическая презумпция свободной воли индивида и его способности артикулировать собственные интересы наиболее выгодным с точки зрения социальной коммуникации образом. Этим правовая система существенно отличается от нормативной системы. Последняя построена на идее взаимозависимости условий применения нормы, ее содержания и санкций, следующих за нарушением общего правила. Далее к этой структуре подсоединяются структуры нормативных отсылок и подгруппы исключительных норм, институтов и правовых режимов. Что же касается правовой системы, то ее центром и ядром выступают подвижные, динамические объекты, в сущности – процессы правовой коммуникации («правового общения» [17]), легитимирующие или делегитимирующие определенный порядок. Правовая система – это прежде всего рациональные и иррациональные практики, а не структурно оформленные прескрипции. Дискурсы в публичной сфере гарантируют ее автономность по отношению и к государству, и к экономическим структурам, не позволяя административным механизмам отчуждать право от субъекта, а субъекта – от его собственных возможностей.

Таким образом, мы пришли к выводу о неразрывной связи взаимного признания и формального равенства. Если обратить внимание на концепцию А. Хоннета, то из нее следуют неабсолютность указанной абстракции и неопределенность права как регулятора общественных отношений. Для некоторой (довольно замкнутой) системы адекватной степенью признания Другого будет его признание в качестве аналогичного субъекта с точно таким же объемом свободной воли, переход же в более широкую систему требует иных идеологических коннотаций.

Когда мы говорим о праве (втором уровне признания, мы всегда не- явно опираемся на понятия коммуникативной рациональности, дели- беративной демократии и коммуникативной эффективности. Коммуни- кативная рациональность представляет собой социокультурную модель модернизации, гуманизации и интеграции общества, в основе которой лежит идея о человеческих действиях, осуществляемых посредством символического обмена на основе критически осмысленных (отрефлек- тированных) ценностных установок [18].

Вслед за А. В. Курочкиным под коммуникативной эффективностью мы будем понимать функцию минимизации издержек социальных обменов. Предложенный подход к концептуализации понятия «коммуникативная эффективность» строится на следующих основных предпосылках:

- коммуникативная эффективность государственного управления со- стоит в минимизации политической неопределенности на макроуровне, предложении ясных «правил игры» для всех контрагентов и контроле за их исполнением;

- коммуникативная эффективность напрямую зависит от админист- ративного потенциала государства, определяемого как способность эф- фективно проводить и пропагандировать коллективные мероприятия;

- в качестве основного способа повышения управленческого потен- циала государства (в аспекте коммуникативной эффективности) высту- пает создание оптимальной институциональной базы, проясняющей социальные, политические и экономические взаимодействия акторов, а также обеспечивающей равноправность и справедливость таких взаимо- действий [19, с. 87].

Нормативная модель делиберативной демократии опирается на иде- ал сообщества свободных и равных индивидов, которые в политической коммуникации определяют формы своей совместной жизни. В качестве масштаба для оценки демократичности реального политического процес- са Ю. Хабермас использует понятие процедуры обсуждения политиче- ских вопросов и принятия политических решений как некий идеальный тип. Основная идея ученого заключается в следующем: в современных обществах демократия как политический порядок не может опираться на субстанционально единую, как бы заранее переформированную «волю народа». Если идея коллективного самоопределения вообще еще сохраняет свой практический смысл, то демократическая самоорганиза- ция должна мыслиться как процесс, процедура формирования мнений и воли народа. Легитимно не то решение, которое выражает якобы уже сформированную волю народа (по формуле некоторых политиков: «Я знаю, чего хочет народ»), но то, в обсуждении которого приняло участие наибольшее количество граждан.

Здесь возникает вопрос: способны ли мы дать абсолютный ответ по поводу того, какое мнение истинно, какая норма правильна и т.д.? Спо- собны ли мы отличить «истинный» консенсус от «ложного», т.е. консенсус, стремящийся к истине и способствующий ее нахождению, от противо- положного? Для ответа на этот вопрос Хабермас вводит понятие «иде-

альная речевая ситуация». Она характеризуется четырьмя условиями: равенством шансов на применение коммуникативных речевых актов участниками дискурса; равенством шансов на тематизацию мнений и на критику; свободой самовыражения, предотвращающей формирование подавленных комплексов; равенством шансов на применение регулятивных речевых актов, обеспечивающих взаимность отношений участников дискурса и исключающих привилегии – односторонне обязывающие нормы общения. Только в том случае, если выполняются данные условия, дискурс будет именно дискурсом, а не запугиванием, обманом [20].

Подводя итоги нашим размышлениям, отметим, что ни одна стратегия устойчивого социального развития не может быть эффективно реализована, а ни одна проблемная ситуация – решена – одним лишь уплотнением нормативной регуляции. Без и вне отрефлектированной позиции субъекта по отношению к другому субъекту их взаимодействие обречено на механицизм. В политической сфере это влечет тотализацию бюрократического подхода к постановке и решению общезначимых проблем. Противостоять данной установке может только разумное дискурсивное сообщество, подвергающее осмыслению и интерпретации правила собственного существования. Применительно к правовой системе таким правилом является принцип формального равенства, а условием его действительности – механизм взаимного признания носителей субъективных прав.

Литература

1. Чукин С. Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр : к вопросу об основаниях современного философствования / С. Г. Чукин // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий : сб. к 75-летию проф. М. Я. Корнеева. – СПб. : С.-Петербург. филос. общество, 2002. – Вып. 11. – Мыслители.

2. Буденкова В. Е. Коммуникация и рациональность как основания толерантности / В. Е. Буденкова // Известия Томского политехнического университета. Сер.: Социально-экономические и гуманитарные науки. – 2006. – Т. 309, № 1.

3. Сумарокова Л. Н. Рациональность vs рационализм в современной методологии юриспруденции / Л. Н. Сумарокова // Актуальні проблеми держави і права. – 2013. – Вип. 67.

4. Цибулевская Е. А. Природа легитимности власти в дискурсе переходного типа социальности / Е. А. Цибулевская, К. А. Анкудинова // Известия Томского политех. ун-та. – 2005. – Т. 308, № 1. – С. 194–199;

5. Владимир Фурс : критическое мышление сегодня. – Режим доступа: http://n-europe.eu/tables/2011/06/03/vladimir_furs_kriticheskoe_myshlenie_segodnya (дата обращения: 07.07.2014).

6. Бурдьё П. Дух государства / П. Бурдьё // Поэтика и политика. – СПб. : Алетей, 1999.

7. Lipset Martin S. Some social requisites of democracy : economic development and political legitimacy / M. S. Lipset // The American Political Science Review. – Vol. 53, № 1. – 1959. – P. 86–89.

8. *Beetham David*. The Legitimation of Power, Palgrave Macmillan / D. Beetham. – 1991. – 336 p.
9. *Тарасова Л. Н.* О легитимности в международном праве / Л. Н. Тарасова // Современное право. – 2012. – № 11.
10. *Зиновьев А. О.* Дискурс и государство / А. О. Зиновьев. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/420> (дата обращения: 07.07.2014).
11. *Habermas J.* Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus / J. Habermas. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1976.
12. *Honneth A.* Kampf um Anerkennung : Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte / A. Honneth. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1992.
13. *Кимелев Ю. А.* Концепция общества Юргена Хабермаса / Ю. А. Кимелев, Н. Д. Полякова // Современные социологические теории. – М., 1996.
14. *Нерсесянц В. С.* Философия права / В. С. Нерсесянц. – 2-е изд. – М. : Юристъ, 2006.
15. *Мухмадеева Е. М.* Статус права : справедливость и принцип формального равенства / Е. М. Мухмадеева // Вестник Томского гос. ун-та. – 2008. – № 308.
16. *Лапаева В. В.* Правовой принцип формального равенства / В. В. Лапаева // Журнал рос. права. – 2008. – № 2.
17. *Мамут Л. С.* Правовое общение : очерк теории / Л. С. Мамут. – М. : Норма, 2011.
18. *Балыкина Г. А.* Социально-философский анализ коммуникативных практик : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г. А. Балыкина. – Саратов, 2010.
19. *Курочкин А. В.* «Коммуникативная эффективность» : концептуализация понятия и перспективы использования в теории и практике управления / А. В. Курочкин // Человек. Сообщество. Управление. – 2013. – № 4.
20. *Феррони В. В.* Философская проблема понимания : от классики к современности. Ч. 2: Понять Другого : эволюция проблемы понимания в естественных, социальных и гуманитарных науках / В. В. Феррони // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2014. – № 1. – С. 20–36.

Воронежский государственный университет

Беляев М. А., кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания

*E-mail: yurist84@inbox.ru
Тел.: 8-904-212-72-98*

Voronezh State University

Belyaev M. A., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

*E-mail: yurist84@inbox.ru
Tel.: 8-904-212-72-98*